

«...неужели, мне будет 80 – и какое счастье!»

Дорогой Валентин Яковлевич!
От имени редакции журнала «Берега»,
его авторов и читателей поздравляем Вас
с 80-летием!

**Мы благодарны псковским берегам, которые подарили миру
Ваш огромный писательский дар и вдохновенный талант!**

**Желаем Вам прекрасного самочувствия и отличного
настроения, здоровья и сил на новые произведения,
которых мы всегда с нетерпением ждём.**

Благодарим Валентина Яковлевича за ответы на вопросы главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко

1. Почвенники, славянофилы и либералы, западники... Это разделение – проклятие русской литературы, русского общества или движущая сила? Или что-то ещё?

Василий Васильевич Розанов писал когда-то, печалась о Пушкине, что, «поживи Александр Сергеич подольше, мы не разделились бы на славянофилов и западников», – такую целостную Россию он содержал в себе. Глядишь, постыдились бы.

Хотя вряд ли... Червячок-то с первой оглядки Петра Великого, с его «окошка в Европу» завёлся, за что староверы ласково звали его Антихристом. Да и матушка Екатерина одной рукой собирала Россию, прибавляя к ней Крым, а другой немножко оставалась дома, в Германии, кокетничая с Вольтером. Да и у самого Александра Сергеича – почитайте-ка: «Пока Наполеон был далеко, молодые люди говорили обо всём русском с презрением и равнодушием», а как оказался на пороге, так «гостиные наполнились патриотами: кто высыпал французский табак и стал нюхать русский, ... кто отказался от лафита и принялся за кислые щи». Только теперь думаешь, что и, не окажись Наполеон на пороге, молодые люди не принялись бы за кислые щи, а всё так и цедили бы о родном с презрением и равнодушием. Да и сам-то Александр Сергеич вон чего писал: «Я, конечно, презираю отчество моё с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Это в ссылке, в живой досаде. А мы «на воле» презираем. Бог даст, до поры. И даже не до испытания, не до Наполеона (сохрани Бог!), а просто по духовному взрослению.

Что сделаешь... Видно, нам на роду написано наше «евразийство» с его невольным раздвоением. Только у тех, первых «делильщиков», по слову Герцена: «сердце было одно», а у нас уж вон и вовсе никакого сердца, одно взаимное противостояние Красной и Болотной площади. Однако опять ободрюсь, не обманывая себя, – до времени, когда из *населения* станем народом.

2. Что такое по-Вашему современный литературный процесс, его составляющие, и есть ли у Вас оптимизм по его поводу?

А современный-то литературный процесс куда денется? Он дитя этого деления. Загляните в «Завтра» или «Коммерсант» – ведь это газеты разных, не граничащих друг с другом государств, как радио «Эхо Москвы» и «Радонеж» или в телевидении каналы: «Дождь» и «Спас» – дети противостоящих информационных систем.

Вон позвали меня 24 мая в администрацию о Кирилле и Мефодии поговорить, а в Псковском университете в этот час проходили в рамках подготовки к Ганзейским дням наши «родные» «нетворкинги», «воркшопы» и «кесс-чайндже». Вот тебе и День славянской письменности и культуры!

Вот и в литературе одни ещё договаривают старые живые правды, как, скажем, Роман Сенчин, Антон Уткин, Гузель Яхина или Петр Краснов, а другие уже и жанры определяют, как «фентези», «хорроры», «палп-фикшны», «стендап-комиксы или «роман нуары» (наши, наши определяют!) и брезгуют реализмом, конфузясь перед Европой, – не буду называть фамилий – авось, ребята ещё вернутся «домой». Читаю, вон, в жюри Премии «Ясная Поляна» через край этих «хорроры» и «роман нуары», но всё отчётливее вижу, что с выравниванием мира и литература устает и понемногу обустраивает хоть и не дом ещё, а таун-хаус, но всё жилище под небом, и надеюсь, надеюсь...

3. Что Вы думаете о современных издательствах, которые даже хорошие книги подают под отвратительными обложками, как «чибио»?

А художники книги делятся не так отчётиво, как писатели, и всякому естественно по домашнему честолюбию хочется подать книжку поэффектнее (и автора представить, и себя немножко показать), так что по обложке уже не отдалишь честного консерватора от подлеца-постмодерниста. Зайдите в книжный магазин, тотчас и увидите это соревнование честолюбий: и меня купи! И меня! До содержания ли тут – от обложки отшатнёшься... Но тоже в своем таун-хаусе нет-нет и родное вспомнят, так что и тут не без надежды.

4. Помню, в одном из писем Вы сказали: «Пойду разобью телевизор о камень!» Действительно, на разных каналах ТВ совершаются окончательное предательство своего народа, который воспринимается, как Вы говорите: «как пассивное неразумное большинство, управляемое сотней умных подлецов».

Про телевизор лучше не начинать. И, правда, лучше «о камень», а то девки наши расскажут Малахову про всех своих полюбовников, а те потом перебьют друг друга, а дети узнают всё о родителях, как бы те ни изворачивались перед детектором лжи. А старые актеры успеют искраснеться за своих молодых возлюбленных, если их не перебьют новости о Зеленском, которого по-прежнему будут именовать не Президентом, а «бывшим комиком», и не бояться быть вызванными на дуэль и застреленными (это вы о «чести» что ли? – что это такое?). Богатые ребята хорошо платят, чтобы человек не спрашивал, где он берёт деньги, а смотрел и утешался, что всякий человек – подлец, и можно не стесняться своего падения: всё вокруг такая же дрянь – «ведь правда, Вань?». А вон теперь ещё и «цифвой» грозят с сотней новых каналов. Когда думать-то? Только успевай переключать!

5. Ваш «Подорожник» – дневник Ваших путешествий с великими людьми: Цветаева, Антокольский, Пришвин, Тарковский, Свиридов и множество других лучших творческих людей. Это полотно и Вашей личной судьбы. Вы сами их искали, или они искали встреч с таким человеком, как Вы, любящим героев своих книг? «Несомненное право, самому выбирать свою жизнь» – это, перефразируя Николая Гумилёва. Вы сами выбирали своих героев? Вы говорили о Случайном, как о «дивном романе жизни»?

Начался «Подорожник» действительно случайно – взял да подарил Ю.Н.Куранов, которого теперь в Калининграде знает каждый читатель, мне на день рождения толстую канцелярскую тетрадь, где пиши да пиши, и сам написал первую страницу. А мне уж после него, которого я чтил высоко до неловкости перед ним, что и сам что-то пишу, писать дальше было неловко.

А скоро приехал в Псков Пал Григорьевич Антокольский, который потом рекомендовал меня в Союз писателей, и я дерзнул попросить его об автографе. Ну и уж тут тетрадь была обречена. Да и куда из себя матушку-провинцию денешь. Деревенский же! Как не похвалиться перед сверстниками? Поглядите, как и не деревенские даже сочинители конца XIX – начала XX века, хвалились, что вот побывали у Толстого и он сказал то-то и то-то. Вы думаете, они действительно ездили за спасительной мудростью, чтобы начать жить по-другому? Вспомните хоть Зинаиду Гиппиус с Дмитрием Мережковским, которые и сами тогда капризничали: кого принять, кому отказать от своего дома. Похвалиться хотела Зина. И Дмитрий Сергеич, хоть и стеснялся Зининого желания, но и себя всё-таки хотел показать, свою модную на ту пору мысль.

У меня этих притязательностей не было (себя показать), а вот похвалиться, что видел и говорил с великими: вот, де, вчера Арсений Александрович Тарковский сказал, а Анастасия Ивановна Цветаева написала – как тут устоишь? О печати действительно не думал – друзьям бы показать да самому укрепиться. Ну и теперь вот вижу, что и писатели-то (и великие!) – тоже дети и им хочется утверждаться, что нужны, что слышны миру: особенно и просить не надо. А уговорил иркутский издатель Геннадий Сапронов: «На сундуке с сокровищами сидишь, – говорит, – чего не поделиться?» Тем более, что многих уже не было в живых, и любое их слово уже прописывалось в истории литературы. Уже и грех было бы скрывать-то.

Ну, а уж как первое издание вышло, то и «расчет» явился – сознательное желание хранить «домашнюю» историю литературы. А в последнее время, так уж и привычка и просто желание в одинокий час (ездишь-то с годами всё реже) взять зимним вечером тетрадь и вспомнить день и час нечаянного или подстроенного свидания и обмануть себя, что имеешь какое-то отношение к «процессу» литературы и жизни. И уже ищешь «контекста», провоцируешь авторов, отсылая к другим авторам – как они слышат друг друга. И тем будто на минуту и связываешь их друг с другом – тоже вроде и от тебя польза, и твоя страница в счастливом романе *случайной* жизни, когда ты уже строишь «случай» и чудо живого дня.

6. Когда я прочла Вашу книгу «Наше небесное Отечество», хотелось читать и перечитывать, что я и делаю, восхищаясь и Вашим стилем, и слогом. И никого не могу поставить рядом с Вами, кто так бы впитал в себя национальную культуру и так гениально выразил её в книге. Откуда у Вас такие духовные корни? Такая глубокая слитность с нашей верой?

А это уж просто «везение». Дедушка был молитвенник. Мы пять лет (с 1942 по 1947) после того, как переехали с мамой в связи с её работой из поселка Салаван, где я в 39-м году родился, жили с ним в землянке, потому что дедушку в свой час «краскулачили» за то, что у него было тринадцать детей – вон сколько рабочей силы! – непременно захочешь всех прокормить. Избу у дедушки отняли и увезли, но милостиво позволили жить в погребе во дворе, где летом хранили продукты. Он вставил в погреб окошко, сложил печь, и жил да молился в родной деревне. И меня, внучка, пока мама была на работе (путевой обходчик на станции Бряндино под Ульяновском), решил выучить псалтыри. И выучил!

А потом я уже был «как все» (не живите долго, а то вы узнаете, что первым «как все» хотел быть собеседник Гиппиус и Мережковского М.М.Пришвин, о котором я писал книгу ещё в «Советском писателе», который вскоре из просто Совписа, как «Советского писателя», стал Совписом, как стыдливым «Современным писателем»). Потом я был пионером, но крестик, зашитый в школьную куртку, носил с тайным пониманием вызова. А там уже и без всякого вызова был комсомольцем (и даже печалился, когда меня с первого раза не взяли – чуяли какую-то «порчу»). И совсем было забыл о Боге за четыре года на флоте. А демобилизовался в Псков (расскажи всё подряд – никакого журнала не хватит), а уж тут при храмах-то на каждом шагу не вспомни-ка! И я потихоньку, ещё работая в молодёжной газете, приладился заглядывать в три действующих храма (остальные были сосланы в «памятники»), а там уж и петь в одном из них. И вот с той поры пятьдесят с лишним лет и не выходжу из церкви.

А когда на пороге нового тысячелетия выпала возможность оказаться в Константинополе, а там и в Мирах Ликийских, – как было устоять? Вот и повадился, и за пять лет поездок и книги накопил про «небесное Отечество». И в храме, читая «Апостол», уже лучше слышал Павловы слова, потому что помнил солнце, под которым его послания складывались, и пыль дорог и соль моря, которое для него было той же дорогой.

И сейчас, в пору шатания родного слова и выветривания смыслов на базарном языке эпохи, тем и держишься, что небесный корень слова помнишь, аdamову райскую простоту наших глаголов.

7. Может ли или нужно ли писателю быть политиком?

Конечно, и в повседневные заботы эти первоначальные смыслы проталкиваешь, хотя бы даже и в политику (а мне довелось сиживать в разных Советах, в Общественной палате России и сейчас вот в Президентском Совете). Художники обычно бегают от политики, даже с подчеркнутой брезгливостью. Виктор Петрович Астафьев, помнится, корил Валентина Григорьевича за его согласие войти в Президентский совет при Горбачеве. Но сам-то тоже в депутатах ходил и нет-нет похваливался, что «трудящиеся его района спят спокойно, потому что у них депутатом писатель Астафьев – обра-

зование шесть классов, беспартийный, русский, не судим...». И Валентин Григорьевич в депутатах и Совете писательского слова не ронял. Как и Василий Иванович Белов. Отчего писателей в шатающуюся эпоху и звали в депутаты. И когда бы и сейчас мы, как они, были бережными и рачительными детьми своего Отечества, то, может, и стеснялись бы воротить нос от политики. И она была бы осмотрительнее под строгим приглядом. А так мы ей сейчас руки сами развязываем. Идите, де, подлецы, не пачкайте наших художественных риз, а они за это время глядишь потихоньку такую жизнь построят, что свои ризы никак не уберёжёшь, потому что сама реальность, которой художники только зеркало, поневоле тебя изгваздает...

8. Что Вы думаете об СССР и будущем России?

О СССР подлинно, как о молодости. Кто не был бунтовщиком в юности, у того нет сердца, а кто не был консерватором в старости, у того нет разума. СССР – естественное дитя России, самое родное дитя. И она ещё спохватится и обнимет своё дитя, если не совсем дура, и перестанет без конца примерять чужие платья и искушаться призывом «Ведь ты этого достойна!». Это они недостойны её красоты без косметики (как у Александра Сергеича – «здоровье краше всех румян»). Вспомнит, что она одна, по слову Рильке, граничит не с другими государствами, а с небом, и выйдет, наконец, в свою не общегоризонтальную дорогу, по которой человечество давно ходит по кругу, пряча от себя это топтанье, а выйдет в единственную – вертикальную, куда ещё и шага не сделала. А выйдет в эту небесную сторону всё равно первой она – не Штаты, не Европа и даже не Китай с Индией. А там, глядишь, и они подтянутся. Не слепые же. И мы вспомним, что не зря зовёмся детьми Божими.

9. «80 лет, и какое счастье!» Откуда у Вас этот оптимизм?

Это я впервые почувствовал в семьдесят лет, когда телевизионная девочка с состраданием спросила: «что можно чувствовать в этом возрасте?» А я ей с радостью: чудо и счастье! и мне ещё, Бог даст, будет семьдесят пять, а там и восемьдесят! И я только завидую ей, что ей это счастье ещё предстоит (девочка уронила микрофон).

Ты, как пчела, собираешь улей жизни и все цветы и поля твои, и каждый цветок отдельный и нет ему повторения. И в этом саду равноправны утраты, болезни, смерти близких. Господь строит твою душу и, оборачиваясь, ты вдруг однажды сознаёшь, что каждый день единичен и необходим. И боль входит в порядок жизни, чтобы ты видел лучше и рос сердцем.

Впрочем, это умствование. Один монах, расстрелянный в 37-м году, удивительно сказал в свой самый трудный час, что «Бог любит не всех одинаково, а каждого – больше!» И ты это однажды так ярко осознаешь, словно тебя разбудят, и уже сам будешь знать, что чем далее, тем жизнь ненагляднее. Это в тебе прорастает вечность, которая не ТАМ, а и вот ТУТ, в каждом дне. И это только мы своею силой, жадной отдельностью и эгоизмом строим злое историческое пространство (особенно нестерпимое в религиозных войнах) вместо того, чтобы увидеть Другого и обрадоваться его «другости», как разнообразию небесного сада, где всякий цветок сам, а сад – только вместе.

А оптимизм в том, что раз ты догадался, то, значит, и другие в свой час догадаются вместе с Христом, Буддой, Магометом, Конфуцием, что мы живем в вечности, где конца нет, а есть только переход. Как в старину говорили про умершего – «преставился», переставился на другую ступеньку. Когда ж тут печалиться?

10. Итожите ли Вы дни, «ярчайший где»?

Нет, не итожу – просто живу. А «ярчайший»? К концу дней – каждый! А предшествующие без осознания чуда – увертюра. Предшествующие – только история, которая всегда есть только преходящая частность жизни и вечности, встающей на дворе с каждым рассветом, пока ты не прозреешь.

– Огромное Вам спасибо!

